

ПИСЬМА О КНЯЗЯХЪ ОСТРОЖСКИХЪ

къ графинь А. Д. Влудовой.

Письмо первое.

Вашимъ попеченіемъ началось и устроится *Острожское Кирилло-Меводіевское Братство*. . . Уже можно привѣтствовать волынскую землю съ этимъ благотворнымъ для нея учрежденіемъ, и нельзя не пожелать прежняго бытія и полнаго разцвѣта новому православно-русскому братству, собирающемуся во имя святыхъ первоучителей славянскихъ, которые и „сами были славяне“, по замѣчанію стараго лѣтописца южнорусскаго. Да будетъ же Острожское братство благоуспѣшно, наравнѣ съ прежними предпріятіями благочестивыхъ женъ волынскихъ, ознаменовавшихъ свою любовь къ православной церкви и просвѣщенію русскому! Мы съ благодарностью вспоминаемъ имена—Анны Гулевичевны Лозкиной, основательницы кіевскаго богоявленскаго братства (въ 1615 году); Анны Гойской, основательницы Почаевской обители (въ 1597 году); княгини Райны Вишневецкой, строительницы трехъ монастырей въ Украинѣ переяславской—и другихъ волынянокъ. А величавы развалины славнаго города Острога, при которыхъ свивается новое гнѣздо братской любви и милосердія,—онѣ наводятъ

неотразимую думу о князьяхъ Острожскихъ. . . Два съ половиною вѣка уже, какъ прекратился этотъ знаменитый княжескій родъ, бывший въ продолженіе трехъ вѣковъ красю и славою волинской земли,—но память о немъ пребываетъ изъ рода въ родъ. Этою памятью древне-русская жизнь волинской земли соединяется съ ея новымъ бытіемъ въ общемъ составѣ русскаго міра. Эта дорогая для Руси память должна, мнѣ кажется, быть присущею и въ *Братствѣ Острожскомъ*, составлять его непремѣнную стихію, его существенную особенность отъ всѣхъ другихъ братствъ и учрежденій, возникающихъ во имя святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія.

Въ этихъ мысляхъ я обращаюсь къ вамъ, графиня, и въ моихъ письмахъ передамъ на усмотрѣніе ваше нѣсколько замѣчаній и воспоминаній о достопамятныхъ князьяхъ Острожскихъ.

Прежде всего разумѣется, предлежить вопросъ генеалогическій: отъ какой отрасли Владимірова племени произошелъ родъ князей Острожскихъ? Уже давно господствуетъ и у насъ мнѣніе польскихъ историковъ, что князья Острожскіе были потомки *Романа Галицкаго*. Такъ принимали вообще въ наше время, начиная съ покойнаго Домбровскаго, написавшаго „Острожскую старину“ въ *Кіевлянинѣ* 1840 года, и до игумена Модеста, издавашаго въ 1862 году „Краткія сказанія“ о святыхъ отцахъ пещеры Θεодосіевой. Такъ еще и въ старомъ лѣтописцѣ южнорусскомъ (составленномъ въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ историковъ польскихъ)—галлицкій король Даниль Романовичъ названъ *предкомъ* князей Острожскихъ, и положено такое ихъ родословіе: „*Романъ Даниловичъ*, родной братъ князя Льва, оставилъ сына *Василія*, князя острожскаго: тотъ *Василій* оставилъ по себѣ сына *Да-*

ніла, князя на Острогѣ; отъ того Данила остался сынъ *Теодоръ* . . .“ и такъ далѣе.

Здѣсь Даниль острожскій и его сынъ Теодоръ— лица дѣйствительныя, историческія, также какъ и сынъ Данила Галицкаго, князь Романъ; но ему усыновляемый *Василь Романовичъ* есть лицо призрачное, не бывшее ни между потомками Данила Галицкаго, ни между предками князей Острожскихъ.

Нѣсецкій и другіе генеалоги прошлаго столѣтія, своимъ разногласіемъ и произволомъ въ производствѣ князей Острожскихъ отъ Галицкихъ, обваружили только несостоятельность этого производства, запутавъ родословіе и прибавкою еще одного *Василія* между Даниломъ и Теодоромъ Острожскими, такъ что святопамятный князь *Теодоръ Даниловичъ* именуется у нихъ *Теодоромъ Васильевичемъ* (подобно тому, какъ у того же Нѣсецкаго знаменитый князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій переименованъ въ Дмитрія Александровича).

Очевидно, что господствующее мнѣніе о происхожденіи князей Острожскихъ отъ галицкихъ неосновательно и невѣрно, также какъ и старопольское мнѣніе о происхожденіи самаго Романа Галицкаго—отъ Давида Игоревича, хотя это мнѣніе до нынѣ въ ходу у писателей польскихъ. Такъ и въ старомъ южнорусскомъ лѣтописцѣ, къ имени Давида Игоревича означено: „предокъ князятъ Острожскихъ“.

Чтобы выбраться изъ этой генеалогической дебри на прямой путь историческій, я обратился къ старымъ поманникамъ кievскихъ церквей, гдѣ записанъ „родъ князя Константина Ивановича Острожскаго“, вскорѣ послѣ его погребенія въ Печерской церкви, то есть, еще

въ тридцатыхъ годахъ XVI-го вѣка. Тамъ имена предковъ его поминаются въ такомъ порядкѣ:

- 1) князя *Георгія*,
- 2) князя *Дмитрія*,
- 3) князя *Даніила*,
- 4) князя *Теодора*, въ инокахъ *Теодосія*... и т. д.

Несомнѣнно, что эти имена были написаны для церковнаго поминовенія еще самимъ княземъ Константиномъ, правнукомъ Теодора; а потому это родоначаліе князей Острожскихъ должно признать за достовѣрное и нерушимое. Соответственный рядъ княгинь представляетъ слѣдующія имена:

- 1) княгиня *Варвара*,
- 2) княгиня инокиня *Елисавета*,
- 3) княгиня *Василисса*,
- 4) княгиня *Агафія*, въ инокиняхъ *Агрипина*... и т. д.

Вотъ первыя четыре степени родства князя Константина. Оно начинается прадедомъ его прадеда Теодора—княземъ *Георгіемъ* и его княгинею *Варварою*. Кто же были эти родоначальники князей Острожскихъ? — „Благовѣрніи князи *Туровскіи*“. Такъ написано къ ихъ именамъ—въ помяникѣ Дубенской церкви *), давно составленномъ вновь по старѣйшимъ поминаніямъ той же церкви. Эта маленькая замѣтка въ нихъ сохранившаяся вѣрнѣе всѣхъ генеалоговъ указываетъ намъ на князей Острожскихъ, какъ на отростъ князей *туровскихъ* и *пинскихъ*. Эти князья произошли отъ Владиміра сятаго

*) См. выписку изъ помяника въ *Памятникахъ* К. К. т. IV, I. стр. 111—князи *Туровскіи*—явная ошибка вм. *Туровскіи*.

черезъ его правнука *Святополки Изяславича*; внукъ Святополка былъ *Юрій Ярославичъ*, а его внукъ былъ *Владиміръ* князь пинскій, отецъ *Юрія* или *Георгія*, въ которомъ мы узнали, наконецъ, подлиннаго родоначальника князей *Острожскихъ*.

Юрій Владиміровичъ появляется въ лѣтописаньи въ 1262 году, по случаю побѣды надъ Литвою, одержанной волынскимъ княземъ *Василькомъ Романовичемъ*, подъ городомъ *Неблемъ*. „Се же услышавше князи Пиньстїи *Ѳедоръ* и *Демидъ* и *Юрьи*, и прїѣхаша въ *Василькови* съ питьемъ, и начаша веселитися, видяще бо ворогы своя избиты, а своя дружина вся цѣла“. А въ концѣ *Волинской* лѣтописи читаемъ слѣдующее: „Въ лѣто 6800 (1292) преставися *Пинскій* князь *Юрьи*, сынъ *Володимеровъ*, кроткій, смиренный, правдивый; и плакася по немъ княгини его, и сынове его, и вси людье плакахуся по немъ плачемъ великимъ“.

Изъ его сыновей мы знаемъ уже князя *Дмитрія*, съ котораго и начинаются князья *Острожскіе*.

1866 г. 8-го января.

Михайлова-гора.

P. S. Не лишнимъ считаю сказать о старомъ *Лѣтописцѣ* южнорусскомъ, на который я ссылался. Онъ извѣстенъ по списку, сдѣланному въ *Черниговѣ* 1699 года іеромонахомъ *Леонтіемъ Боболинскимъ*. Еще въ запискахъ *Храповицкаго*, подъ 9 декабря 1791 года, сказано: „Приказали написать черниговскому епископу, чтобъ списавъ вѣрно изъ библіотеки тамошней семинаріи лѣтописецъ, въ 1699 году *Боболинскимъ* сочиненный, присылать сюда черезъ почту по тетрадамъ“. Но о. *Леонтій* былъ только переписчикомъ. У меня подъ рукою те-

перъ другой списокъ, нѣсколько старѣе и безъ тѣхъ прибавленій, какія сдѣланы Боболинскимъ, даже изъ печатнаго кievскаго Синописа; онъ кончается сказаніемъ о гетманѣ Подковѣ; писанъ мелкимъ письмомъ, на 696 листахъ; озаглавленъ такъ: „*Литописецъ* то есть *Хроника*, зъ разныхъ многихъ а досвѣдчовыхъ авторовъ и историковъ, диалектомъ Рускимъ есть сложена; кѣмъ сложена эта современница *Хроники Густынской*, мнѣ неизвѣстно.

Письмо второе.

Предоставляя будущимъ историческимъ соображеніямъ и открытіямъ новоузнанную чету князей Острожскихъ—князя *Дмитрія Юрьевича* и его княгиню инокиню *Елисавету*, я перехожу къ извѣстному въ исторіи сыну ихъ *Данилу Острожскому*. Онъ является вельдѣ за тѣмъ, какъ въ 1340 году краковскій король Казиміръ Локетковичъ послягнулъ въ первый разъ на завладѣніе землею Галицкою или Львовскою. Тогда Данило Острожскій, согласясь съ перемышльскимъ старостою Дашкомъ и призвавъ на подмогу себѣ войско татарское, истребилъ польскую стражу, оставленную королемъ въ землѣ Галицкой; а потомъ они опустошили принадлежащія ему земли Краковскую, Сендомирскую и Люблинскую, до самой Вислы. Такимъ отпоромъ Казиміру великому, въ 1341 году, приостановлено было на нѣсколько лѣтъ его завладѣніе землею Галицкою, и его первый захватъ Волинской земли, ставшійся въ 1349 году, но на другой же годъ отраженный волинскимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ. (Земля Волинская, также какъ и Подолье, и земля Кіевская, тогда принадлежали уже къ Великому княжеству Литовскому).

Въ городѣ Острогѣ была тогда церковь св. Николая, въ которой находилось еще и въ XVII вѣкѣ евангеліе съ слѣдующею вкладною записью: „Се язъ князь Данило и съ княгинею Василисою и съ дѣтьми нашими, придались мы землю на имя Чепель, уѣздомъ и въ обрубѣ, ко святому Николѣ Острожскому, въ парканежѣ, какъ тая земля въ соби маеть, вѣчно и испоружно; не маемъ ся мы въ тую землю вступати, ни дѣти, ни потомки наши; мають твою землю той церкви попы держати, и мають соби всякій пожитокъ имати, а за насъ Бога милостиваго просити и роды наши поминати; а если бы кто мѣлъ той земли кривду чинити, маемъ мы и потомки наши боронити; а если бы мѣлъ тежъ тую землю отъ Божіи церкви отымати, тотъ маеть передъ милостивымъ Богомъ на страшномъ судѣ съ нами ся розсудити“. *)

Сыновей у нихъ было три: *Ѳеодоръ, Алексій и Андрей*, какъ это можно усмотрѣть изъ помянниковъ кievскихъ. Въ исторіи памятенъ старшій сынъ, *Ѳеодоръ Даниловичъ*, видный съ 1386 года, когда и король Ягелло, и великій князь Витовтъ, не только подтвердили Острожское владѣніе, утвержденное за нимъ княземъ Любартомъ, но еще приумножили городами Заславлемъ и Корцемъ. Потомъ Ѳеодоръ Острожскій является спустя 45 лѣтъ. (Подобные пропуски лѣтописные можно видѣть въ жизни Всеслава Полоцкаго, Романа Галицкаго, и другихъ князей). По кончинѣ могучаго Витовта (въ де-

*) Изъ выписи 1634 года, помѣщенной въ «Краткомъ описаніи города Острога», составленномъ *А. Перлиштейномъ*, въ дополненіе къ «Острожской Старинѣ» *В. Домбровскаго*. (Напечатано въ *Чтеніяхъ* 1847 г.).

кабрѣ стремившагося упрочить и возвеличить свое Литовское государство 1430 года) поляки не замедлили захватить Подолье и покушались отвоевать Волынскую землю у новоизбраннаго въ великіе князя Свидригайла Ольгердовича. Но послѣ неудачной осады Луцка самимъ королемъ Ягелломъ Ольгердовичемъ (1431 года) тотчасъ придумано было иное средство ослабить государство Литовское—внести въ него междоусобицу и раздвоеніе, для того и поставленъ былъ въ великіе князя Жигмонтъ Кейстutowичъ, ненавистное для Литвы и Руси орудіе Польши. Тогда снова возгорѣлась война. Любимый Русью, хотя суровый, князь Свидригайло двинулся въ Литву; а Ѳеодору Острожскому поручено было одержать Подолье; и онъ исполнилъ это побѣдоносно, очистивъ всю Бра-славщину къ исходу 1432 года; а на слѣдующую весну отобралъ онъ и Каменецъ, полонивши тамъ знаменитаго старосту Ѳеодорика Бучацкаго. Извѣстіе объ этихъ и дальнѣйшихъ подвигахъ князя Острожскаго сохранилъ историкъ и дипломатъ того вѣка, краковскій каноникъ Янъ Длугошъ, у котораго впрочемъ и разбитые Русью поляки выходятъ изъ сраженія побѣдителями. Не смотря на то, онъ называетъ князя *Ѳеодка* мужемъ храбрымъ и воинственнымъ, и ставитъ его выше всѣхъ тогдашнихъ вождей Литвы и Руси.

Но воинственный князь Ѳеодоръ сподобился стать превыше въ сонмѣ святыхъ отцевъ Печерскихъ. Вотъ извѣстіе о немъ изъ краткаго жизнеописанія св. отцевъ дальней или Ѳеодосіевой пещеры, составленнаго тамъ въ XVII вѣкѣ. „Преподобный *Ѳеодоръ Даниловичъ*, князь Острожскій, оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу, взывъ на себе святое иночество, и такъ подвижавенъ крѣпко о спасеніи своемъ, угождаючи Богу

ажь до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеви въ руцѣ отдать; а тѣло его, здѣ положенное, опочиваетъ“.

Я увѣренъ, что кіевскіе братчики не преминутъ внести образъ святаго князя въ домовую церковь братства острожскаго. А со временемъ, по всей справедливости, надобно бы въ Острогѣ поставить хотя придѣльную церковь, во имя преподобнаго князя Острожскаго, — тѣмъ болѣе, что имъ созданная въ Острогѣ каменная *Пречистенская* церковь, обращена еще въ XVII вѣкѣ въ католическій костель, донинѣ тамъ существующій. На воынской землѣ слѣдуетъ быть храму во имя святаго ея уроженца и подвижника. Тогда 28-й день августа, въ который празднуется его память, сталъ бы народнымъ праздникомъ воынской земли, съ какимъ усердіемъ притекалъ бы туда православный народъ воынской, помолиться своему святому князю! Съ какимъ умиленіемъ слушалъ бы церковную пѣснь о немъ: „красоты ризныя возгнушавшагося, и богатства тлѣннаго со благодареніемъ отвергшагося, въ ризу же безстрастія облекшагося и богатому во щедротахъ возслѣдовавшаго Христови, приидите вѣрнии, усердно восхвалимъ Θεодора достославна, яко молищагося непрестанно о душахъ нашихъ“.

Письмо третіе.

Въ предыдущемъ письмѣ я не сказалъ о времени, когда князь Θεодоръ Острожскій сталъ *инокомъ Θεодосіемъ*, и когда онъ скончался.

Положительнаго извѣстія о томъ еще не нашлось. Весьма правдоподобно мнѣніе Филарета черниговскаго,

что князь Феодоръ удалился въ печерскую обитель около 1438 года (см. *Русскіе Святые*—за августъ); но невѣроятно, чтобы онъ скончался—„въ концѣ XV-го вѣка“, какъ это написано было Евгеніемъ, въ *Описаніи кіево-печерской лавры*, и потомъ повторялось въ *Словарь Святыхъ*, въ *Указатель Святыхъ Кіева* и въ другихъ книжцахъ.

По примѣру князя Феодора и его княгиня *Агавія* приняла иночество съ именемъ *Агриппины*. Меньшой братъ его Алексѣй также окончилъ жизнь—инокомъ *Александромъ*.

Сыновей у Феодора Даниловича было два: *Василій* и *Даніилъ*. Первый изъ нихъ у современниковъ прозывался *Василіемъ Краснымъ*. Въ то время, какъ достоуважаемый отецъ его отражалъ войсковые нападки Поляковъ на Русскія земли государства Литовскаго *), Василій

*) Вотъ сказаніе изъ стараго лѣтописца южно-русскаго, помѣщенное тамъ дважды, на 507 и 557 листахъ:

— «Рокъ 1432, Феодоръ княжа Острозское, мужъ великой дѣлности и валеchnый, держачи сторону Швидригайлову, добылъ Смотричь, Браславль, и Скалу замки подъ Ляхами, а потомъ и все Подоле на Швидригайла до Руси вырвалъ у Поляковъ. Прето король Ягелло, до Льова вытягнувши, пославъ войско коронное на Подоле, которое князь Феодоръ, уставичне зъ своимъ, войско лядское губилъ и наежчалъ; а коли уже Ляхи, для близкой зимы, до дому се вертали, заразъ князь Острозскій Феодоръ таемне за ними тягнулъ, часу, местца и погоды где бы на нихъ ударить смотрѣлъ; и есть Мурахва река, которая до Днестра впадаетъ, болотна и широко выливаючая, черезъ лѣсы идучи; а уже была троха примерзла;—презь которую князь Феодоръ иншою дорогою первой перебивши, засадилъ на

Красный противодѣйствовалъ дипломатическимъ притязаніемъ Польши на цѣлое государство Литовское, которыя въ XV-мъ вѣкѣ усилились чрезмѣрно, въ замѣнъ притупившагося оружія. На этомъ дипломатическомъ поприщѣ и прославился онъ еще 1431 года, въ Вильнѣ, при избраніи Свидригайла, и въ переговорахъ, при осадѣ Луцка. Спустя 15-ть лѣтъ, при новомъ великомъ князѣ, Казимірѣ Ягелловичѣ, Василий Острожскій особенно настаивалъ на отказѣ его отъ Польской короны, съ чѣмъ и былъ посланъ на Петровскій сеймъ. Хотя же въ слѣдующемъ 1447 году этотъ великій князь Литовскій согласился, наконецъ, быть вмѣстѣ и королемъ Польскимъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Поляки отказались навсегда отъ своихъ притязаній на Волынь и Подолье. Василий Красный, въ свитѣ стараго Свидригайла, находился и при коронаціи юнаго Казимира.

Въ своемъ городѣ Острогѣ князь Василий поставилъ большую каменную ограду, которой остатки и нынѣ еще видны. Онъ также укрѣпилъ и другіе города свои, Заславль и Дубно. Ему приписываютъ и сооруженіе въ Острогѣ великолѣпной церкви Богоявленской. Впрочемъ,

01

другомъ берегу съ войскомъ своимъ въ лѣсѣ; тамъ же нагле и безъ вѣсти, съ великимъ и гвалтовнымъ окрикомъ, на ляхи ударилъ. А ляхи, будучи стривожены пригодною новою и не сподѣванною, одни вплавъ ледъ ламать, а другіе возы свои въ гати покинувши и поперевертавши, учинили битву; але князь Острожскій войскомъ перевышалъ; Ляховъ помѣшачныхъ, изъ рѣки выѣж-чающихъ, Русь отъ всюль назрѣвали били, топили и имали: Лечь Волоховъ, которые были на дунезствѣ, побито отъ Ляховъ, и погинуло ихъ много.

уцѣлѣвшія на ея опустѣлыхъ стѣнахъ числа указываютъ на другихъ строителей. Если *начало* ея — въ 1321 году *), то ея первое построеніе (разумеется, деревяннымъ зданіемъ) могло принадлежать еще князю Дмитрію Юрьевичу. Другое славянское число, если разобрано вѣрно (7031), означаетъ 1523 годъ, и тогда сооруженіе или обновленіе Богоявленской церкви принадлежитъ князю Константину Ивановичу, о которомъ говорятъ, что онъ перенесъ гробъ своего дѣда Василія изъ Острога въ Печерскую лавру. А скончался князь Василій Феодоровичъ около 1453 года.

Поглѣ него Острожское владѣніе раздѣлилось между двумя сыновьями. Князь *Юрій Васильевичъ*, исторически извѣстный съ 1456 года, сталъ владѣльцемъ города Заславля, по которому какъ онъ, такъ и его потомство, назывались князьями *Заславскими* или *Жеславскими*. Надо однако же отличать эту Волынскую, Русскую фамилію отъ литовскихъ князей *Зиславскихъ* или *Ижеславскихъ*, такъ называвшихся по древнему городу Изяславию, построенному Владиміромъ Великимъ въ Полоцкомъ княжествѣ, для Рогнѣды, во имя ея сына. (Нынѣ мѣстечко ¹*Заславъ*, мивской губерніи).

Потомствомъ *Ивана Васильевича* продолжался родъ князей *Острожскихъ*. Этотъ князь извѣстенъ битвами съ татарами и построеніемъ Троицкой церкви въ Межирѣчьи Острожскомъ. Женатъ онъ былъ на украинской княжнѣ Глинской, родившей ему того славнаго князя

*) Полагаюсь на вышеупомянутую статью г. Перлштейна (въ *Чтеніяхъ* 1847 года).

Константина, гробницѣ котораго кланяемся мы въ великой церкви Печерской.

Надгробная статуя представляетъ возлежащаго рыцаря, — изображеніе приличное для князя Константина послѣ многотрудной его жизни. Превжная надпись, бывшая до лаврскаго пожара въ 1718 году, состояла въ слѣдующихъ словахъ: „Константинъ Іоанновичъ, князь Острозскій, воевода Троцкій, гетманъ Великаго князства Литовскаго, по многихъ побѣдахъ отъ смерти полагши, здѣ погребенъ, лѣта отъ Р. Х. 1533, имѣяи лѣтъ 70; одержа побѣдъ 63“.

Начавъ служебное поприще еще при Казимірѣ, онъ былъ съ 1498 года уже Литовскимъ гетманомъ. Въ послѣдній годъ XV-го вѣка возгорѣлась война у Александра Казиміровича съ его тестемъ, Іоанномъ III-мъ Васильевичемъ. Древняя междоусобица удѣльныхъ Русскихъ князей обратилась съ XIV-го вѣка въ борьбу двухъ половинъ Руси Западной и Восточной, въ тяжбу двухъ новообразовавшихся государствъ, Литовскаго и Московскаго. Но при началѣ Александровой борьбы съ Іоанномъ, князю Константину не посчастливилось: потерпѣвъ страшное пораженіе на р. Ведрошѣ (1500 г. 14 Іюля), онъ сталъ, безъ малого на 7-мъ лѣтѣ, плѣнникомъ Московскимъ. Въ эти годы усилился и возвысился въ Литвѣ блистательный князь Михайлъ Львовичъ Глинскій, котораго Менгли-Гирей называлъ первымъ *молодцамъ* въ государствѣ. Но по смерти Александровой онъ встрѣтилъ непризнаніе къ себѣ въ новомъ господарѣ Литовскомъ, Жигимонтѣ Казиміровичѣ. Тогда Михайлъ Глинскій, съ многочисленнымъ родомъ своимъ, передался на сторону Московскую, замышляя отнять у Литвы землю Кіевскую. Но въ ту пору

бѣжавшій изъ Москвы князь Константинъ явился въ своемъ отечествѣ великимъ богатыремъ, и первымъ подвигомъ его было—усильное противодѣйствіе дадъ своему Глинскому. За тѣмъ слѣдовали его побѣды надъ татарами, изъ которыхъ особенно знамениты двѣ—подъ Вышневымъ 1516 года и на Ольшаницѣ близъ Канева 1527-го. Господарь Литовскій Жигимонтъ старался всячески отличать и награждать своего *святлоурожениаго* князя: щедро надѣлялъ его имѣніями; титуловалъ его *найвысшимъ* гетманомъ Литовскимъ; возвысилъ въ званіе воеводы Троцкаго; почтилъ его небывалыми еще торжественными въѣздами въ обѣ столицы свои, въ Вильну и Краковъ, по примѣру древнихъ героевъ Римскихъ; а однажды, въ знакъ особаго отличія, пожаловалъ его королевскимъ правомъ приложенія печати на *красномъ* воску.

Будучи въ полной славѣ и власти, князь Константинъ стоялъ крѣпко за права восточной православной церкви; сооружать храмы въ Вильнѣ, Новгородѣ Литовскомъ и въ своемъ Острожскомъ владѣніи, гдѣ основать нѣсколько новыхъ монастырей, благотворя и прежнимъ; особенно же онъ былъ усерденъ къ монастырю Печерскому. Туда и перевезенъ былъ его гробъ сыномъ *Ильсю*; тамъ погребена была и первая супруга его, княгиня *Татіана*.

Нечего и говорить, какъ величали его литовскіе и польскіе писатели, называя *русскимъ Сципіономъ*,—*вождемъ всѣхъ вѣковъ достойнѣйшимъ*, и проч. Въ заключеніе, приведу слова изъ исторіи, писанной новымъ гражданиномъ волынской земли, знаменитымъ московскимъ быльцомъ, княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ: „А о тѣхъ волынцахъ не только въ Кро-

никахъ мужество ихъ описуется, но и новыми повѣстями храбрость ихъ свидѣтельствуется, яко мало прежде и о другихъ рѣхомъ: егда быша въ вѣрѣ православной, пребываша по обычаємъ мѣрнымъ, и къ тому имѣюще надъ собою гетмана храбраго и славнаго *Константина*, въ правовѣрныхъ догматахъ свѣтлаго и во всякомъ благочестіи сіяющаго, яко славни и похвальни въ дѣлѣхъ ратныхъ явишась, отечество свое обороняюще⁴.

М. Максимовичъ.

9-го ливаря 1866 г.
Михайлова-Гора.